
В. В. ЛАПКИН

**ПРОСТРАНСТВЕННО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ
ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

В статье рассматриваются системные инварианты существования и эволюционных трансформаций современных сообществ. Особое внимание уделяется эволюции современных сложноорганизованных макрополитических сообществ, пространственно-территориальному аспекту их локализации. Анализируются системные последствия кризиса национально-территориального государства как универсальной формы организации современного политического пространства, открывающего возможности роста для многочисленных альтернативных форм политической самоорганизации. Предпринимается попытка концептуализации понятий пространства и территории применительно к задачам изучения фундаментальных социально-политических трансформаций современной эпохи, а также анализа на этой основе принципиальных проблем современного глобального социально-политического развития, сопряженных с реорганизацией пространства политики. Существование этой реорганизации наиболее отчетливо проявляется, по мнению автора, в процессах становления конкурентного «пространства разнообразия» культурных моделей развития, преодолевающих тупиковость и дисфункциональность монополярной модели миропорядка.

Ключевые слова: политическое пространство, сообщество, развитие, социальные институции, культурные практики, система мобилизации ресурсов, пространственно-территориальный подход, кризис национально-территориального государства, социализированный индивид, монополярный миропорядок, экстратерриториальность.

Системные инварианты существования современных сообществ

Естественным состоянием всякого человеческого сообщества является стремление к освоению *окружающих пространств* и повышению собственной ресурсной оснащенности, к совершенствованию имманентной сообществу системы мобилизации ресурсов, в том числе и путем выработки новых навыков, видов деятельности, культурных практик и социальных институций. В свою очередь, выработка таких практик и институций позволяет воспроизводить и транслировать во времени и пространстве сформированные сообществом структуры своего ресурсного обеспечения. Именно благодаря этим социальным инновациям человек, включенный в человеческое сообщество (то есть социализированный индивид), свободно расширяет свои возможности хозяйствования и освоения новых территорий, континуум своих умений и способностей. Иными словами, он преобразует себя как на индивидуальном уровне, так и в рамках тех сообществ, с которыми себя идентифицирует, и при этом одновременно преобразует свое «внешнее тело», то, что мы называем *окружающей средой* (или – в узком смысле, в терминологии СЕИ, – *вмещающим ландшафтом*; см.: Кульпин 2016: 10).

Итак, исходная модель социальности состоит из четырех компонент и включает: а) *человека* – социализированного индивида; б) *сообщество* – интегрированную институтами и идентичностями совокупность таких социализированных индивидов; в) *макросообщество* – политически интегрирующее множественные сообщества либо по принципу их территориальной локализации (традиционные национально-территориальные государства), либо на иной основе, как правило, без жесткой территориальной привязки (по профессиональному, ценностно-идейному или иному принципу) и само интегрированное в г) *глобализированный мир*. Эта модель принципиально *не иерархична*. Каждая ее компонента (и *человек*, и *сообщество* как воплощение его социальной природы, и *макросообщество* как воплощение его политической природы, и весь *глобализированный мир* как целостность) претендует на всеобъемлющую и системообразующую роль и может выступать исходным пунктом

для анализа современного общественного развития во всей его полноте.

При дальнейшем изложении – в силу избранной исследовательской темы – акцент по преимуществу будет делаться на политической составляющей социальности (компонента макросообществ), но в нашем исследовании такой подход предполагает использование описанной выше модели в ее целостности, при активном и актуализированном внимании ко всем иным компонентам, взаимосвязям и взаимодействиям между ними.

Фундаментальный факт, обуславливающий социальную динамику, состоит в том, что всякому *сообществу* имманентно стремление к количественной и качественной экспансии... Единственное, что создает *препятствие* для такой безграничной экспансии, – это *конкуренция со стороны других человеческих сообществ*. Именно конкуренция больших социальных групп обуславливает в конечном счете все важнейшие исторические и социально-политические коллизии, побуждает сообщество к кооперации с другими, к консолидации и политической самоорганизации, к выработке стратегии развития и практик мобилизации ресурсов, необходимых для реализации перспективных задач сообщества.

Сегодня эта конкуренция на уровне макрополитических сообществ отчасти институционализована так называемыми международно-правовыми институтами. Но только отчасти, поскольку в число принимающих на себя соответствующие связывающие обязательства субъектов существующих сегодня международно-правовых отношений входят по преимуществу лишь принадлежащие к особому классу макросообщества, демонстрирующие внешние атрибуты государства-нации. Но и эти макросообщества особого класса все чаще проявляют сегодня склонность к пересмотру взятых на себя ранее обязательств. Это является одной из главных причин той критической неустойчивости современного миропорядка, с которой столкнулось в настоящее время человечество. Не все значимые макросообщества склонны поддерживать прежний порядок, в том числе и в силу того, что многие из них возникли лишь в последние десятилетия и не участвовали в его формировании, не принимали на себя никаких обязательств по его поддержанию. И одновременно целый ряд «классических» макросообществ

все настойчивее проявляют готовность к пересмотру своих прежних такого рода обязательств. В последнем случае мы наблюдаем симптомы проявления латентной природы таких макросообществ, отличной от вмененного им прежним миропорядком национально-государственного интерфейса.

В преддверии глобальной трансформации

В современном мире индивид оказался необратимо интегрирован в сверхсложным образом организованные макрополитические сообщества, практикующие отчужденные от него процедуры выработки целей общественного развития, а также принуждающие его участвовать в функционировании социально-политических механизмов достижения этих целей. Более того, индивиду, прошедшему «школу» либеральной эмансипации и постмодернистского отторжения любого идеологического и нормативного диктата, все бесцеремоннее навязывается иммобилизующая его привязка к «старым» и «новым» макросообществам, претендующим на всеобъемлющий контроль над ним («в интересах его же безопасности и процветания»).

Возможности развития индивида (а потребность в развитии – имманентное качество человеческой личности) сегодня критическим образом обусловлены *качеством* тех *социальных пространств* и тех *территорий*, с которыми в силу разных причин и обстоятельств идентифицирует себя и в которых вынужден действовать индивид. Территориальный аспект во многом определяется исторически сформировавшейся практикой пространственно-территориальной локализации сложноорганизованных человеческих сообществ (по крайней мере, с момента появления государственных форм их организации и отхода от кочевого образа жизни). Но также он обусловлен и тем обстоятельством, что до недавнего времени и все последние века в представлениях о социально-политическом мироустройстве (характерных как для теоретиков, так и для практиков общественно-политического управления) господствовала парадигма покрывающей практически весь земной шар системы национально-территориальных государств. Такой тип государственности считался (и во многом по-прежнему считается) общепризнанной нормой, а наблюдающиеся дисфункции – несущее

ственными и вполне преодолимыми девиациями. Многочисленные случаи ирредентизма и сецессий, сепаратизма и государственной несостоятельности, образования различного рода надгосударственных политических структур до недавнего времени не принимались в расчет, не рассматривались в качестве повода для критического переосмысления основательности претензий этой «нормы» на универсальность.

Позволю себе вынужденное краткое отступление о природе национального государства. В отличие, например, от этносов или цивилизаций, либо опирающихся на систему хозяйствования в определенном вмещающем ландшафте, либо руководствующихся самобытной культурой и особой цивилизующей окружающие сообщества миссией, национальное государство нельзя определить из него самого, как некую автономную сущность. Оно определяется – и теоретически, и практически – как территориально ограниченная полития и, следовательно, как элемент *системы* национально-территориальных государств, получающий признание в качестве суверенного национального государства и возможность демаркации своих границ в согласованном взаимодействии с другими членами этой международной системы. Так повелось по крайней мере с середины XVII в. (см., например: Гудин, Клингеманн 1999: 389–392; Ильин 1997: 195–198, 241–253, 398–404).

Вместе с тем в последние годы все отчетливее звучит тема назревающей фундаментальной институциональной трансформации, ревизии представлений, ставящих во главу угла *национально-территориальное государство как универсальную форму организации современного политического пространства* (в его как глобальном, так и страновом качестве). Институты и сами принципы функционирования такого государства ставятся под сомнение, размывается сам образ «классического» национально-территориального государства, национальные ценности девальвируются, а соответствующие идентификационные паттерны теряют привлекательность (что усиливает процессы глобальной миграции). Параллельно с этими процессами разложения старого порядка выстраиваются новые глобальные и региональные иерархические и сетевые структуры, продвигающие принципы глобального и агрессивного универсализма и транснационализма, предполагающие реорганизацию

миропорядка преимущественно на сетевых и трансграничных, а не территориальных, как прежде, началах. Система национально-территориальных государств дополняется и надстраивается универсальной и ориентированной на глобальное доминирование Империей (мировым гегемоном), ключевой элемент политического целеполагания которой – продвижение универсальных и безальтернативных режимов осуществления транзакций и тем самым вменение всем другим формально суверенным государствам финансовой, технологической и идейной зависимости от нее.

Но одновременно все отчетливее фиксируется феномен «новых региональных держав», «оппортунистических» по отношению к монополярному мироустройству, надежно, как казалось, выстроенному мировым гегемоном в последние десятилетия. Эти новые макрополитические своего рода структуры-кентавры, с одной стороны, сохраняют внешние атрибуты национально-территориального государства, с другой – усиливают свою включенность в наднациональные форматы мирового рынка (в качестве его критически значимых субъектов, связанных с ним обязательствами, определяющими их политику). Однако (и это главное) их политика не ограничивается следованием в фарватере мирового гегемона, лидера мирового рынка. И во внутренней, и во внешнеполитической повестке дня этих региональных держав приоритетное место занимает продвижение принципов своего рода «частичного универсализма», альтернативного западному «глобальному универсализму». Эти «новые региональные державы» оспаривают исключительность интересов глобального гегемона и отстаивают свое право напрямую влиять на экономические и политические процессы за пределами своих официальных государственных границ. В итоге набирают силу (форсируются) процессы *диверсификации универсалистских стратегий развития глобального мира*, трансформируется сама природа современного государства: институциональный каркас модельного национально-территориального государства расширяется и дополняется существенными элементами иной, по большей части цивилизационной природы (Лапкин 2017: 96–97).

Эти новые тренды воплощают, по-видимому, эволюционный ответ на парадоксальное противоречие развития, итожащее предшествующий многовековой путь современного общества. Ввиду

фатальной «монополярной дисфункции», сформировавшейся в начале 1990-х гг. и все настойчивее демонстрирующей свои многочисленные негативные последствия, сохранение в качестве универсальной модели национально-территориального формата политической организации напрямую ограничивает и даже сводит на нет, – вопреки оптимизму К. Полянши (2002: 254), – возможности общества противостоять экспансии мирового рынка. Однако императив общественного выживания стимулирует поиск новых форм институционализации взаимодействия ключевых субъектов мирового развития, новых, более дифференцированных принципов глобального универсализма, более чувствительных к культурному разнообразию интегрируемых в глобальную систему сообществ. Одним из результатов этих процессов уже сегодня можно считать становление новых *субъектов политики дифференциации* глобального масштаба, способных эффективно противостоять универсальной, контролируемой из единого центра и ориентированной на глобальное доминирование Империи. В целом же именно прогрессирующая дифференциация эволюционных возможностей способствует тому, что в современном мире особое значение приобретают пространственный аспект мировой политики, альтернативные принципы и подходы к пониманию природы политических пространств и процессов их структурирования.

Пространственно-территориальный аспект социальности

Проблематизируя процессы этой трансформации, необходимо обратить внимание на две принципиальные проблемы: одну – познавательно-концептуального характера, другую – обусловленную неравномерностью развития отдельных территорий современного мира, интегрированного глобальным рынком.

Во-первых, ключевое для пространственного аспекта анализа социально-политической динамики понятие социального (политического) пространства (пространственности) по-прежнему остается предметом острых дискуссий и порождает неудовлетворенность исследователей, несмотря на то что разработка пространственного подхода в социальных науках связана с именами таких корифеев мировой науки, как Иммануил Кант, Эмиль Дюркгейм, Георг Зиммель, Пьер Бурдьё, и многих других. Как это сформулировал вы-

дающийся отечественный социолог Александр Фридрихович Филиппов, пространство как понятие «встречается у социологов чаще, чем понятие времени, и может показаться куда более очевидным... И все-таки в определении и использовании его несравненно больше путаницы, противоречий и неясностей» (Филиппов 1995: 52; см. также: Он же 2008).

Противоречия и неясности связаны как с проблемой недостаточной четкости «разведения» на уровне понятий социальных и политических пространств и территорий (см., например: Замятин 2012: 434–438, 442–445; Окунев 2018), так и с тем, что *социально-политическое пространство* зачастую редуцируется к пространству *физическому* либо *географическому*. Его особенности нередко трактуются в противопоставлении «объективности физических объектов» (Прохоренко 2017: 494; см. также: Она же 2015) или же как «проекция жизненного мира (Lebenswelt) политического актора на воображаемые им ментально-географические пространства...» (Замятин 2012: 434), а сами эти «мегагеополитические пространства» – как состоящие «из разнородных географических образов, имеющих отношение к сфере профессиональной деятельности актора...» (Там же: 434–435). Между тем *пространство* и *территория* – это принципиально различающиеся понятия. Физические и географические аспекты пространственного воображения – это лишь частные случаи, хотя, надо признать, наиболее очевидные и общедоступные в опыте. А распространенная привычка связывать политические пространства с географией – не более чем наследие эпохи политики территориального контроля. Новые тренды глобального политического управления (о чем подробнее будет сказано ниже) усиливают множественность пространственного пересечения и взаимного наложения, затрудняют осуществление территориального контроля, размывают эту монополию национально-территориального государства. Сами же политические пространства все более «виртуализируются», теряя жесткую привязку к «почве», «земле», «географии».

При этом и политические пространства, и любые иные, в любых их качествах и в рамках любой предметной области всегда неразрывно связаны с самим существованием соответствующей субъектной сферы, соответствующего мира в общей картине чело-

веческого мироздания: физическое пространство – с существованием физического мира, социальное – с существованием общества, политическое – с существованием мира политики. Все это – всего лишь отдельные миры в картине человеческого мироздания, то есть *в сфере идеального человеческой культуры*.

В этом и только в этом смысле принадлежности к сфере идеального *пространство* – это та сфера структурированного и подчиненного определенным правилам (аксиоматизированного) взаимодействия (системы взаимоотношений) включенных в него *элементов*, которая оформляет континуум бытия соответствующей области субъектности человека. Таково, если можно так сказать, прегнантно¹ определение *пространства*².

В частности, актуальное представление о *мире политики* в современной глобализованной культуре отражает несовершенство рефлексии современного общества по поводу собственных практик целеполагания и целедостижения. Так, предпочтение географических и в целом физикалистских способов представления и описания политических (и социальных) пространств обусловлено в конечном счете лишь актуальной ограниченностью представлений субъекта о *политическом*, его неготовностью увидеть сферу политических интеракций, абстрагируясь от «физической» и «географической» локализации действующих в ней акторов³, в то время как политическая практика сегодня успешно преодолевает ограничения, связанные с обусловленностью местоположением.

В отличие от собственно пространства, *территория* – это всегда определенная и ограниченная часть пространства, формирующаяся как результат деятельности контролирующих ее и управляющих ею субъектов. Итак, резюмирую.

¹ Praegnans (лат.) – лаконичный, но содержательный, полный скрытого смысла.

² В русском языке понятие *пространства*, согласно В. Далю (1995: 514–515), сопряжено с представлением о *просторе* как ничем не занятом, свободном месте. «*Время и пространство* или *година и просторь*, отвлеченныя понятия послѣдовательности состоянія и мѣста» (Там же: 515).

³ Нельзя, впрочем, исключать и мотив интереса *политического класса* в продвижении представлений о *политическом*, затемняющих реальную природу пространств современных политических интеракций, сводящих ее так или иначе к «крови и почве»...

ПРОСТРАНСТВО понимается как имманентный человеческой природе способ структурирования внешней реальности, чувственного опыта человека, характеризующийся в первую очередь структурой взаимоотношений погруженных в него действующих элементов.

ТЕРРИТОРИЯ – ограниченная часть ПРОСТРАНСТВА, находящаяся под контролем управляющих ею субъектов.

Главное различие между *пространством* и *территорией* в том, что первое формируется спонтанно в качестве инструмента познания человеком некоей особой сферы окружающего мира, характеризующейся особым типом взаимодействия наполняющих эту сферу действующих единиц. В пространстве всегда действуют объективные (не зависящие от «воли» субъектов и соответствующей активности действующих единиц) закономерности, регулирующие взаимодействия в соответствующих пространственных рамках. Территориальность же, зачастую носящая ярко выраженный метафорический смысл либо связанная непосредственно с «землей», с физической географией, – это всегда то, что подчиняется неким доминирующим в этой особой части пространства субъектам, контролируется ими.

Следует обратить внимание на то, что, в отличие от такого заурядного факта, как взаимное перекрывание пространств взаимодействия в рамках разного рода межгосударственных структур, перекрывание территорий в современном мире рассматривается как геополитическая девиация, как отчетливый симптом неразрешимого конфликта между управляющими ими субъектами. При этом пространства (поля взаимодействий погруженных в них действующих элементов) могут перекрываться совершенно произвольным образом⁴.

⁴ Для описания ментальной и образной множественности земных пространств, пространств междискурсивно и межцивилизационно взаимодействующих и взаимопроникающих, Д. Н. Замятин (вслед за М. Мюллером и Л. Г. Иониным) вводит понятие *сопространственности* (Замятин 2012: 432, 444–445), актуализированное фактом сосуществования разнородных территориальных идентичностей в пределах одних и тех же территориальных сообществ или социальных групп.

Важно отметить, что сформулированные определения принципиально *не привязаны* к физическим, географическим или каким-либо иным особым (частным) областям человеческой практики, даже к тем, в рамках которых соответствующие представления о пространствах и территориях изначально сформировались. И *пространство*, и *территория* – это всего лишь универсальные когнитивные формы интерпретации человеческой практики, и как таковые они весьма перспективны в вопросах понимания изменений современного мира, в том числе и социально-политических.

Более того, такая концептуализация социальных и политических пространств и территорий позволяет прояснить существо и причины целого ряда принципиальных проблем социально-политического развития, обострившихся в ходе текущей глобальной трансформации, о которой уже упоминалось выше.

Это и последствия принципиальной неравномерности развития отдельных территорий современного мира на фоне стремительного появления все новых и новых глобальных (например, биткоин и технология блокчейн) и региональных (как, например, некоторые региональные объединения типа АТЭС) *пространств развития* при общем колоссальном усложнении интегральной картины современного мироустройства. Это и перспективы трансформации – на новой принципиальной основе – глобального порядка по всем его основным направлениям: финансово-экономическому, инновационно-технологическому, политико-правовому, социокультурному и т. д. Это, наконец, и поиск подходов к концептуализации наблюдающегося качественного усложнения пространственного отображения современного общества, движения от «заземленной топографии» иммобилизованных сообществ к «топографии» лабильных и динамичных социальных и межличностных коммуникаций.

Проблемы и перспективы глобального развития в пространственно-территориальном ракурсе

В парадигмальных рамках пространственно-территориального подхода надвигающуюся глобальную трансформацию можно описать как своего рода процесс реконфигурации и глубокого структурного усложнения политической карты мира. При этом поверх знакомого нам и безоговорочно доминирующего прежде в дискур-

сах геополитики и теории международных отношений континуума национально-территориальных государств «прорастает» альтернативная система взаимодействующих напрямую больших и взаимно перекрывающихся регионов (таких, например, как ЕС, ШОС, БРИКС, ОСЕАН и др.). Интенсивно функционируют и трансграничные, экстратерриториальные, пространственно делокализованные структуры человеческого общения, в том числе и институционализированные, также активно влияющие на общемировые социально-экономические, политические и культурные процессы (примеры таких структур – ООН и ее Совбез, МВФ, НАТО, ЮНЕСКО, Всемирный банк и пр.).

В рамках этих спонтанно, но по существу – вполне закономерно складывающихся регионов и транснациональных структур активизируются процессы реорганизации привычных для нас социально-политических пространств на основе неожиданного с точки зрения теории сочетания императивов модернизации и цивилизационно-имперских принципов. По сути, речь идет об адаптации политического арсенала модерна к уникальной автохтонной ценностно-культурной среде сообществ того или иного сохранившегося до настоящего времени цивилизационного ареала (см., например: Айвазов, Пантин 2018). Налицо инверсия прежних подходов, когда неоспоримым полагалось нечто прямо противоположное – адаптация автохтонной ценностно-культурной среды всякого незападного сообщества к вменяемым этому сообществу требованиям модернизационной унификации и ценностно-культурной трансформации. Отмечу, что такой поворот событий неожиданно, однако вполне недвусмысленно выявляет поразительный, но по сути тривиальный факт неуниверсальности, партикулярности прежде модельного западноевропейского модерна, отмечаемый и ранее неангажированными исследователями (Хантингтон 1997: 90–91; Лапкин 2001: 14–24; Бек 2012: 44–45). Многочисленные исследователи фиксируют, рефлексиируют и в той или иной степени эмоционально переживают упадок и разрушение прежнего миропорядка (пресловутого *Pax Americana*) (см., например: Bahramian 2012; Fukuyama 2014; Reich, Lebow 2014; Haas 2014; Шаклеина 2015; Ikenberry 2018; Duncombe, Dunne 2018), а также появление новых

игроков, бросающих вызов гегемону (Schweller, Pu 2011; Grinin 2013; Toohy, Picker 2015; Загладин 2016).

Парадоксально, но, по сути, главным эволюционным итогом глобального распространения национально-территориального принципа *организации политического пространства* стала столь же глобального масштаба *дисфункция* этого процесса – переход в 1990-е гг. к *униполярному миропорядку*, венчающему эту международную систему национально-территориальных государств гегемонией мировой сверхдержавы, апеллирующей к собственной исключительности. В рамках этой гегемонистской политики агрессивно и повсеместно продвигаются внеинституциональные (с позиции теории международных отношений) практики координации мирового порядка посредством как ситуативных коалиций, создаваемых гегемоном, так и транснациональных сообществ, распространяющих юрисдикцию сверхдержавы и соответствующие правила ведения бизнеса. Решающее преимущество таких сообществ (особенно в сравнении с национальными государствами) сегодня в том, что их непосредственной основой являются системно организованные сетевые взаимодействия глобальной мир-экономики, выстроенные на принципах частно-корпоративного интереса, *автономии* в отношении международного (санкционированного сообществом национальных государств) права и, соответственно, *экстратерриториальности*.

Эти вызовы при очевидной беспомощности и безынициативности структур национально-территориальной *организации политического пространства* современного мира порождают вполне закономерный *ответ* со стороны новых игроков. В результате на смену прежним англосаксонским (в их универсалистском изводе) в качестве альтернативы им приходят иные, более сложные, многомерные и многослойные – во всем своем многообразии – культурно-цивилизационные принципы организации современного общества (Лапкин 2018: 41–45, 48–52; см. также: Пушкарева 2017). В целом же в рамках глобальной Мир-Системы налицо становление конкурентного *«пространства разнообразия» культурных моделей развития*. И именно это разнообразие культурно-цивилизационных практик, ценностных и идейных альтернатив, дополняющее и трансформирующее классические принципы институцио-

нального обустройства современного государства, станет, возможно, основой будущего миропорядка.

На фоне исчерпания потенциала устойчивости международной системы национально-территориальных государств (см., например: Арбатова 2017) в самой общей постановке вопроса о многообразии развития речь идет об элементах глобального политического пространства, различающихся в том числе и по признаку наличия или отсутствия у них политической субъектности, или, что в большей мере соответствует привычному политическому лексикону, наличия или отсутствия суверенитета.

Характерна ключевая абсолютно для всех новых игроков (новых держав современного мира) мотивация укрепления государственного суверенитета, определяющая новое качество природы их политического целеполагания. В то же время многие представители сообщества формально суверенных, но финансово, технологически и идейно зависимых от единственной сверхдержавы национально-территориальных государств испытывают серьезные проблемы даже не столько с суверенитетом, сколько с отсутствием политической воли к его укреплению и сохранению⁵.

Для более углубленного описания этой дихотомии стратегий развития в условиях кризиса миропорядка можно, на наш взгляд, предложить следующую предварительную гипотезу. *Территории неразвития* современного мира коррелируют с политическими сообществами, теряющими политическую субъектность или отказывающимися от нее (делегирующими критически важные составляющие своего суверенитета внешним политическим субъектам). Политическая цель таких сообществ состоит в том, что в обмен на это они рассчитывают получить особые преимущества, которые, предположительно, достанутся им в результате добровольной и безоговорочной интеграции в экономические структуры эффективного внешнего *суверена, глобального гегемона* (наиболее яркий пример – Украина после судьбоносных политических решений конца 2013 – начала 2014 г.). Но отказ от критических элементов суверенитета в условиях глобального кризиса миропо-

⁵ Это фиксируется как проблема «упадка суверенитета современного типа», в терминологии М. Хардта и А. Негри (2004: 11–12).

рядка ведет к глубокому упадку мотивации сообщества к развитию и к деградации его политических механизмов мобилизации, необходимых для развития ресурсов.

Иными словами, *территории неразвития* возникают как ограниченные (посредством добровольного самоограничения либо внешнего принуждения, в том числе и путем военного вмешательства⁶) части разнообразных мировых и региональных *пространств*, попадающие под частичный или даже полный контроль внешних субъектов.

Напротив, *пространства развития* коррелируют с политическими сообществами (необязательно государственной природы, это могут быть и транснациональные финансово-экономические сообщества, разного рода профессиональные или интернет-сообщества и т. п.), эффективно наращивающими свой субъектный потенциал в современном мире. Образующие ими структуры взаимодействий в так или иначе институционализированных новых социально-политических пространствах позволяют им самим задавать новые направления современного развития, становиться значимыми политическими игроками.

Соответственно, лишенные субъектного потенциала *территории неразвития* закономерно обретают функциональную роль ресурсного резервуара, обеспечивающего опережающее развитие новых экономических и социально-политических пространств современного мира. В нынешнюю переходную эпоху, эпоху институциональных трансформаций, это обуславливает дальнейшее усиление неравномерности мирового развития.

Другой важнейшей проблемой социально-политического развития является прояснение контуров трансформации глобального порядка. В соответствии с моделью трехэтапного цикла империализации сложившихся в последние столетия форм государственного национально-территориального устройства (Лапкин 2018: 45–47)

⁶ Примерами добровольного самоограничения можно считать многие государства Центрально-Восточной Европы (например, страны Балтии, Молдову и т. п.); примерами внешнего «принуждения к неразвитию» – такие страны, как Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Македония и т. п. В каждом из этих двух кейсов есть более яркие и, напротив, более умеренные случаи.

мир проживает третий этап коэволюции процессов национально-государственного строительства и империализации. По предварительным авторским оценкам, этот этап продолжается и будет продолжаться с конца XX в. и на протяжении ближайших десятилетий вплоть до начала 2040-х гг. Он характеризуется разложением монополярного миропорядка и формированием новых, «синтетических» (сочетающих институциональные элементы национально-государственного и имперского типов) режимов государственно-территориального контроля. В настоящее время наиболее очевидны процессы деконструкции «униполярного», но в самом ближайшем будущем следует ожидать все более проясняющихся контуров новых макрополитических конструкций и глобальных режимов. Следует ожидать формирования глобальной системы региональных имперско-национальных государств-конгломератов (блоков, иерархий и пр.), связанных региональными и глобальными сетями торгово-инвестиционных отношений. Все эти перемены потребуют радикального пересмотра и усложнения нашего пространственного видения будущего миропорядка.

Это, в свою очередь, станет критически значимым вызовом социальной и политической теории, нашей способности концептуализировать такое качественное усложнение пространственного отображения современного общества, продвинуться в осмыслении новых типов политической организации и общественной коммуникации. Это – задача «на вырост». Здесь же наметим лишь некоторые, наиболее значимые, по мнению автора, вехи и направления этого предстоящего движения.

Во-первых, очевидна предстоящая активизация процессов формирования – поверх национальных государств – международных структур нового типа, выступающих в качестве «зонтичных» в сферах мировой политики, права, торговли, безопасности, коммуникаций, финансов и инвестиций, а вместе с тем претендующих на присвоение и активное освоение части суверенитета интегрируемых ими национально-территориальных сообществ.

Во-вторых, в повестку глобального политического развития встает выработка (подобно Вестфальской системе) некоей новой системы отношений между неоимперскими структурами современного мира, которые пока, по-видимому, из соображений по-

литкорректности, таковыми не именуются. В ряду этих политических образований вполне предсказуемо стоят США, ЕС, РФ, КНР, Индия, Иран, Турция (список в ближайшее время может пополниться). Перед Западом встает сложнейшая задача пересмотра своего позиционирования в мире и перехода к фактически, а не только декларативно равноправным отношениям с государствами, политически представляющими инокультурные макросообщества с иным институционально-правовым опытом. Вместе с тем перед любой из стран современного мира, имеющей такого рода неоимперские амбиции, также стоит чрезвычайно трудная задача разумного самоограничения и выработки компромисса с иными себе подобными державами (то, что оказалось не по силам державам начала XX в.). В этом – суть проводимой аналогии с Вестфальской системой.

Наконец, в-третьих, скажем о главном – об императиве формирования конкурентного пространства культурных моделей развития. Новый миропорядок должен включать рамочные условия, приемлемые хотя бы для этих основных игроков современного мира и не сковывающие возможности разнообразного (в первую очередь торгово-экономического, технологического, инвестиционного, информационного и т. п.) взаимодействия между ними. А имманентное любой имперской структуре «постоянное беспокойство» (выражение Дж. Сороса) и ее стремление к перманентной и ничем не ограниченной экспансии сможет реализоваться в конкурентном пространстве культурных моделей развития. Это пространство и будет ключевым фактором стабилизации нового миропорядка. На смену эпохе единой универсальной, глобально доминирующей Империи приходит эпоха конкуренции и формирования глобальной системы региональных (цивилизационно ориентированных) неоимперских политических образований, в той или иной степени адаптирующих политический арсенал модерна к собственной уникальной ценностно-культурной среде. Этим преобразующим себя сегодня политиям и предстоит обустроить усложняющееся глобальное политическое пространство, выработать новые системные правила глобального сосуществования.

Литература

Айвазов, А. Э., Пантин, В. И. 2018. От столкновения к партнерству цивилизаций: новое мироустройство и проблема реформирования ООН. *История и современность* 1–2: 88–108. DOI: 10.30884/iis/2018.01.05.

Арбатова, Н. 2017. Будущее европейской интеграции в контексте внутренних и внешних кризисов. *Мировая экономика и международные отношения* 10(61): 57–65. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-57-65.

Бек, У. 2012. Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот. *Полис. Политические исследования* 5: 44–58. URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2012/5/6.pdf> (дата обращения: 15.10.2018).

Гудин, Р., Клингеманн, Х.-Д. (ред.) 1999. *Политическая наука: новые направления*. М.: Вече. 816 с.

Даль, В. 1995. *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. 3. М.: ТЕРРА. 560 с.

Загладин, Н. В. 2016. Переходные периоды в мировой политике. *Мировая экономика и международные отношения* 12(60): 27–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-12-27-39.

Замятин, Д. Н. 2012. Сопространственность и территориальные идентичности в политическом проекте Модерна. В: Семененко, И. С. (отв. ред.), *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 т. Т. 2. *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. М.: РОССПЭН. С. 430–449.

Ильин, М. В. 1997. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий*. М.: РОССПЭН. 432 с.

Кульпин, Э. С. 2016. Основные понятия, постулаты и методология социоестественной истории. *История и современность* 1: 5–11.

Лапкин, В. В.

2001. Универсальная цивилизация: Болезнь роста и ее симптомы. В: Холодковский, К. Г. (отв. ред.), *Политические институты на рубеже тысячелетий*. Дубна: Феникс+. С. 12–26.

2017. Социально-политический контекст трансформаций идентичности в XXI веке. В: Семененко, И. С. (отв. ред.), *Идентичность: Личность, общество, политика*: энциклопедическое издание. М.: Весь Мир. С. 88–101.

2018. О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка. *Полис. Политические исследования* 4: 37–55. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.04.

Окунев, И. Ю. 2018. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий. *Сравнительная политика* 1: 18–25. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00002.

Поланьи, К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 320 с.

Прохоренко, И. Л.

2015. *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. М.: ИМЭМО РАН. 111 с.

2017. Политическое пространство. В: Семененко, И. С. (отв. ред.), *Идентичность: Личность, общество, политика*: энциклопедическое издание. М.: Весь Мир. С. 494–501.

Пушкарева, Г. В. 2017. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. *Политические исследования* 5: 156–173. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.11.

Филиппов, А. Ф.

1995. Элементарная социология пространства. *Социологический журнал* 1: 45–69.

2008. *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль. 285 с.

Хантингтон, С. 1997. Запад уникален, но не универсален. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 84–93.

Хардт, М., Негри, А. 2004. *Империя*. М.: Праксис. 440 с.

Шаклеина, Т. 2015. Лидерство и современный мировой порядок. *Международные процессы* 4(13): 6–19. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1.

Bahramian, B. 2012. *Transition to a New World Order: What We Leave Behind for the Next Generation*. Bloomington, IN: AuthorHouse. 308 pp.

Duncombe, C., Dunne, T. 2018. After Liberal World Order. *International Affairs* 1(94): 25–42. DOI: 10.1093/ia/iix234.

Fukuyama, F. 2014. America in Decay: The Sources of Political Dysfunction. *Foreign Affairs* 5(93): 5–26.

Grinin, L. E. 2013. The Tiger and Dragon. Development Models and Perspectives of India and China. *Journal of Globalization Studies* 1(4): 5–31. URL: https://www.sociostudies.org/journal/files/jogs/2013_1/005-031%20Grinin.pdf (дата обращения: 07.08.2018).

Haas, R. N. 2014. The Unraveling: How to Respond to a Disordered World. *Foreign Affairs* 6(93): 70–79.

Ikenberry, G. J. 2018. Reflections on After Victory. *The British Journal of Politics and International Relations* August. DOI: 10.1177/1369148118791402. URL: http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1369148118791402#_i1 (дата обращения: 12.08.2018).

Reich, S., Lebow, R. N. 2014. *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press. 208 pp.

Schweller, R. L., Pu, X. 2011. After Unipolarity, China's Vision of International Order in an Era of US Decline. *International Security* 1(36): 41–72. DOI: 10.1162/ISEC_a_00044.

Toohey, L., Picker, C. B. 2015. China in the International Economic Order: New Directions and Changing Paradigms. In: Toohey, L., Picker, C. B., Greenacre, J. (eds.), *China in the International Economic Order: New Directions and Changing Paradigms*. New York; Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 1–8.